

УДК 32.001(045) + 930.1(045)

*М.В. Кирчанов***СОВРЕМЕННЫЙ РОССИЙСКИЙ ЕВРОПЕИЗМ КАК «МАРГИНАЛЬНАЯ» ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ГРАНД-НАРРАТИВ**

Автор анализирует особенности развития европеизма как изобретенной политической традиции и историографического гранд-нарратива в российской интеллектуальной истории. Предполагается, что современный российский европеизм генетически связан с культурными традициями русского западничества, а также реформами 1990-х гг., когда политические элиты России имели прозападные симпатии. Автор воспринимает европеизм как совокупность гетерогенных интеллектуальных явлений. Автор полагает, что исторические и литературные исследования стали основной формой истории и функционирования российского европеизма в 2000-е и 2010-е гг. Предполагается, что российские интеллектуальные сообщества историков, филологов и литературоведов существуют в состоянии институционализированной зависимости от западной европейской модели гуманитарного научного знания. В статье показано, что российский европеизм имеет две формы: во-первых, стремление российских интеллектуалов писать историю России в европейской системе координат, «воображая» и «изобретая» ее как европейскую; во-вторых, отказ со стороны некоторых интеллектуалов от анализа российской проблематики как идеологически и политически мотивированной *а priori*. Автор анализирует попытки европеизации российского исторического процесса в контекстах альтернативных историографических интерпретаций как изобретенных традиций. Предполагается, что европейское прочтение исторического процесса стало одним из историографических гранд-нарративов. Автор полагает, что российский европеизм имел значительные культурные и интеллектуальные потенциалы, но не смог актуализировать свой адаптивный потенциал в конкуренции с альтернативными идеологическими трендами, включая различные версии левой (коммунистической) и правой (националистической) идеологии. Поэтому современный российский европеизм не институционализирован и не имеет формальной организационной структуры. Автор полагает, что национальные интеллектуальные сообщества в отличие от русского пока не утратили интерес к европейской идее, что является гарантией дальнейшего развития европеизма в России, но в содержательно других формах.

Ключевые слова: российские интеллектуалы, интеллектуальные сообщества, европейская идея, маргиналы, историография, изобретение традиций, гранд-нарративы

DOI: 10.35634/2587-9030-2022-6-2-208-216

Ссылка на статью:

Кирчанов М.В. Современный российский европеизм как «маргинальная» политическая традиция и историографический гранд-нарратив // Вестн. Удм. ун-та. Социология. Политология. Международные отношения. 2022. Т. 6, вып. 2. С. 208–216. <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2022-6-2-208-216>

Формулировка проблемы

Интеллектуальная история России начала XXI в. может быть описана в терминах постепенной смены идеологических парадигм, которые в той или иной степени влияли или определяли векторы и траектории развития российского политического сообщества. К началу XXI в. идеологические предпочтения как российского политического класса, так и интеллигенции оказались в значительной степени отличными друг от друга, характеризуясь при этом гетерогенным характером. Диапазон предпочтений российского общества варьировался от русского национализма до радикального западничества, хотя все эти идеологические течения сложились в предшествующее десятилетие в рамках тогда еще незавершенного процесса демократического транзита. Политическая динамика первых двух десятилетий XXI в. привела к тому, что правящие элиты предприняли попытки унификации идеологического пространства при формальном сохранении в российском обществе политического и идейного разнообразия, хотя альтернативные точки зрения постепенно стали менее заметными, превратившись в маргинальные.

В целом современный идеологический дискурс в его официальной версии основан на рефлексии по советскому прошлому и попытках его синтеза с православием и умеренным русским национализмом в его политической, а не этнической версии. В информационном дискурсе эти относительно неоднородные идеи могут восприниматься как «особый путь» России или редуцироваться до поиска «скреп», формирующих российское общество и, как следствие, отличающих и отделяющих его от за-

падного. Несмотря на объективные процессы, связанные с укреплением и консолидацией политического режима, сложившегося в начале 2000-х гг., современное российское общество в определенной мере сохраняет элементы идеологического разнообразия, но альтернативные политические предпочтения вытеснены на периферию политического процесса и постепенно мутировали из исключительно политических концептов в «изобретенные» политические и культурные традиции. Однако принимая во внимание исторические особенности развития российской политики, политическое было отделено от культурного в гораздо меньшей степени, чем это, например, имело место в западных обществах.

Цель и задачи статьи

Исходя из вышесказанного, в центре внимания в статье будет проблема развития современного российского европеизма, которая на протяжении 2000-2010-х гг. функционировала в условиях постоянного лавирования между политической традицией и историографическим гранд-нарративом. Соответственно, целью статьи является анализ современного российского европеизма как изобретенной традиции, а задачами – изучение его актуальных особенностей, интеллектуальных и культурных проявлений, а также перспектив дальнейшего развития.

Российский европеизм: политические и культурные контексты

Анализируя феномен российского европеизма, мы можем изучать это явление в двух перспективах – политологической и культурно-исторической. С одной стороны, мы можем исследовать различные проявления политического сознания в контекстах как идеологической борьбы, так и электоральных практик современной российской политики, что особенно актуально на фоне результатов парламентских выборов сентября 2021 г., в результате которых в состав Государственной Думы не прошла ни одна формально «европейская» политическая партия. Если рассматривать явление российского европеизма именно в политической системе координат, то существует риск актуализации политически и идеологически мотивированных нарративов, которые могут в современном российском обществе восприниматься крайне неоднозначно, т. к. для одних его сегментов они болезненны, а для других являются раздражающим фактором. Известно, что для определенных групп в современном российском политическом пространстве европеизм ассоциируется исключительно с Западом, что ведет к актуализации и продвижению в рамках актуальной версии политической культуры антиевропейских, точнее антизападных, нарративов. Кроме этого, в такой системе координат восприятия европеизма он воспринимается как необязательная, факультативная опция российского исторического и политического процесса. Поэтому в качестве универсальной альтернативы ему позиционируются те ценности и принципы, которые соотносятся с русским национализмом, включая веру в «особый путь» России, и признание системообразующей роли православия, а также концепт «скреп», призванный расшифровать два первых принципа для современного российского общества.

С другой стороны, российский европеизм может быть описан в контекстах культурной истории и интеллектуальных практик современного российского общества. Генезис этой разновидности российского европеизма достаточно подробно и детально описан в историографии [1; 4], сфокусированной на истории русской общественной и политической мысли [11; 18]. Кроме этого, существует тенденция историзировать само явление русского европеизма, ограничивая его поисками и работами западников [3], что исключает из сферы анализа интеллектуальный и культурный опыт российского европеизма первых двух десятилетий XXI в. В целом, по мнению российских историков, занимающихся изучением восприятия Запада в России, русский европеизм возник и развивался как уникальное восприятие Европы/Запада со стороны России как общности, которая в одинаковой степени отлична как от России, так и от других регионов с ярко выраженной культурной и исторической спецификой [17]. По мнению автора настоящей статьи особенности и проявления российского европеизма 2000-2010-х гг. (развитие которого в отношении русского западничества XIX в. и либерализма XX в. в большей мере актуализирует тенденции дискретности, нежели континуитета) может стать предметом исследования интеллектуальной истории.

Политический европеизм в России – маргинальная «изобретенная традиция»?

Что касается институционализации современного российского европеизма, то попытки таковой крайне незначительны. Вероятно, самой крупной и влиятельной условно проевропейской институци-

ей в России следует признать фонд «Либеральная миссия», но и его активность в большей степени сведена к вестернизации российской модели социально-экономического и гуманитарного знания, в то время как истинная европейская компонента является второстепенной. Европеизм в его современной российской версии, представленной в различных направлениях деятельности «Либеральной миссии», имеет несколько особенностей. Во-первых, эксперты и аналитики фонда не стремятся к ментальной европеизации российской истории и русской идентичности в силу того, что те, по их мнению, априори являются европейскими, представляя ее национальные формы и версии с учетом российских реалий. Во-вторых, европеизм фонда проявляется в большей степени в европеизации, точнее – вестернизации российского гуманитарного знания и интеграции интеллектуалов в мировые дискурсы, являющиеся, правда, в большей степени не чисто и не только европейскими, но преимущественно американскими. Эта задача решается в рамках издательской программы фонда [9; 12], а также в попытках включить в информационную повестку сюжеты формально малоинтересные широким группам российского общества, но фактически основанные на интерпретации, ревизии и переосмыслении европейского исторического и культурного опыта [13; 15]. Именно поэтому фонд столь значительное внимание уделяет издательским программам, направленным на продвижении западной модели воображения истории и конструирования социальной реальности. В-третьих, европеизм современного российского либерализма, если мы воспринимаем фонд «Либеральная миссия» как одну из его формально институционализованных форм, в значительной степени носит отложенный и хронологически дистантный (в будущей перспективе) характер [10].

Исторический европеизм в современной России: магистральный историографический «большой нарратив»?

Предпочтения и симпатии в сторону Европы некоторых российских интеллектуалов и экспертов проявляются в предложении и продвижении сценариев и возможных моделей развития России в европейской или западной системе политических координат. Подобная особенность современного российского европеизма актуализирует и делает более видимыми и заметными его родовые особенности, представленные склонностью к политическому утопизму, преимущественно интеллектуальному характеру движения, его ограниченностью дискурсом гуманитарных и социальных наук.

Как и с историзмом, в современном российском европеизме сложились две версии, которые условно могут быть определены как девелопменталистская и радикальная. Странники девелопменталистского подхода склонны европеизировать российский исторический процесс преимущественно в позитивистской или неопозитивистской системе координат, последовательно идя от частного к общему, и тем самым, предлагая свои версии больших нарративов. Вероятно, ведущим представителем этой тенденции к интеллектуальной и культурной истории российского европеизма является А.Л. Янов [20; 21], концепция истории России которого сводится к тому, что в России сложилась и на протяжении нескольких столетий существовала, и развивалась своя уникальная проевропейская либеральная традиция, отличная и оппозиционная в отношении государственного патернализма. А.Л. Янов, полемизируя со своими критиками и оппонентами, исходит из того мнения и убеждения, что «поскольку Европа – родина и символ свободы (либеральной демократии в политических терминах), мифотворцам непременно нужно доказать, что Россия не Европа» [19].

Российский европеизм в его девелопменталистской версии оказывается жертвой собственной последовательности как верности либеральным идеям, так и неприятия традиционной версии истории России, основанной одновременно на воспроизводстве двух нарративов: вере в «доброту царя», с одной стороны, и на ее тысячелетнем характере, с другой. Фактически концепция российского европеизма в девелопменталистской версии содержит в себе все элементы и родовые признаки изобретенной историографической традиции, т. к. ее сторонники последовательно ассоциируют с европейским выбором некие позитивные моменты российского исторического опыта, а в гипертрофированном развитии государства склонны видеть средоточие негативных моментов. Именно на этот излишний догматизм и указывают критики концепции А.Л. Янова, в частности российский исследователь национализма А.И. Миллер [5]. Другой российский специалист по истории национализма А.М. Семенов, критически интерпретируя идеи А.Л. Янова, предположил, что тот предложил свое «прочтение российской традиции символизации Европы как дискурсивного инструмента в интеллектуальной и политической борьбе» [16].

Вероятно, поэтому сторонники радикального европеизма в большей степени привержены тем или иным версиям постмодернистской методологии истории, редуцируя его (европеизма) прошлое до его воображения и изобретения, но фактически принимая сам европеизм как некую данность. Следовательно, на протяжении длительного времени европейский вектор исторического воображения был нормой или даже парадигмой для целого ряда национальных историографий, в том числе – и в бывших советских республиках. В частности, В.К. Кантор подчеркивает, что «европеизм объединял и татар, и русских, и калмыков, и поляков, и немцев. Это была цель, к которой все стремились» [7]. Если в отношении национальных меньшинств такое предположение кажется вполне обоснованным, и европейское прочтение истории могло доминировать, например, в грузинской историографии, то относительно традиции русского исторического воображения признание примата европеизма является не более чем допущением, которое нуждается в обосновании.

Попытки европеизации истории России на современном этапе представляются не только интересными и перспективными в контексте воображения традиций, но и являются фактически маргинальными, т. к. не в состоянии изменить общие векторы развития историографии отечественной истории. Отечественная историография в большей степени основана на актуализации ее самости, нежели признания общих особенностей в исторических процессах России и Европы. Поэтому попытки В.К. Кантора предложить новый взгляд на историю России как часть истории Европейского Севера, [6] оказались фактически проигнорированы большинством историков.

Не должно вызывать удивления и непонимания то, что попытки грузинских, украинских, литовских или латышских историков в советский период писать истории своих сообществ в европейской системе координат содействовали как актуализации их идентичности, так и ее сохранению. Аналогичные настроения русских историков к подобным результатам не привели, став частью даже не истории идей, но в большей степени археологии идей, так как представляют интерес едва ли не исключительно в контекстах изучения истории современного российского культурного европеизма. Трансплантируя в контексты интеллектуальной истории современного российского европеизма, предположение А.А. Олейникова о специфике функционирования историзма в наборе возможных и допустимых методов исторического исследования, логично и допустимо предположить, что приверженцы радикального европеизма «отказываются объяснять исторические события, апеллируя к метафизическим принципам. Они предпочитают объяснять их в терминах новых вызовов, которые вступают в конфликт со старыми ценностями и ставят под сомнения устоявшиеся нарративы» [14].

Если для историков, «история, с их точки зрения, не завершена, а исторические смыслы открыты для переинтерпретации» [14], то и для некоторых российских интеллектуалов, практикующих в сфере культурной географии и географии идентичностей, Европа также не завершена и открыта для ревизии и возможных реинтерпретаций. Поэтому, современный российский европеизм в новейших координатах развития гуманитарного знания, нередко ограничивающихся традициями презентизма, стал персональным интеллектуальным выбором или частным случаем развития идентичности в тех новых условиях, когда «...профессиональный историк чувствует себя крайне неудобно. Прошлое уходит из под его контроля, переходя в обладание к тем, кто сегодня распоряжается памятью», включая «сообщества, практикующие коммеморации» [13]. К подобным сообществам в рамках постмодернистского написания истории и описания социальной и культурной реальностей могут быть отнесены и сторонники европейского выбора России как ограниченная группа интеллектуалов, подвергшая ревизии сложившиеся ранее модели описания/написания истории, формирует свои собственные «изобретенные традиции», институционализируя себя, тем самым, в качестве воображенного сообщества.

Вероятно, поэтому еще в 2007 г. А.И. Миллер указывал на то, что дискуссии относительно европейского или неевропейского статуса российской истории в меньшей степени имеют историографический характер, принадлежа в большей степени преимущественно к идеологической плоскости [5]. В этой ситуации современный российский европеизм представляет собой не только движение интеллектуалов, но и изобретенную политическую и культурную традицию, ими же создаваемую, воспроизводимую и продвигаемую. Примечательно, что именно эта тенденция и стала определяющей в новейшей истории современной российской европейской идее, локализуемой почти исключительно в пространствах гуманитарных наук и культурных активностей. В современной российской ситуации европеизм в значительной степени стал жертвой искусственной и направленной маргинализации, в которую активно включились и СМИ, формирующие и продвигающие не только негативный образ воображаемого ими Запада, но и его реальных и мифических, т. е. вновь воображаемых, сторонников в России.

К сожалению, приходится признать, что частично ответственность за маргинализацию европеизма как частной версии западнической идеологии, но как возможного модуса описания/написания истории лежит и на самом российском сообществе профессиональных историков. По мнению В.А. Бердинских [2, с. 127–130], значительная часть российских историков консервативна, занимается наукой формально и вовсе не заинтересована в методологических новациях, включая европеизацию интерпретационных практик и, тем более, переход к другим, более радикальным, формам гуманитарной в целом и исторической эпистемологии в частности.

Эта ситуация может быть описана и воспринята в категориях исследовательской культуры и эпистемологических моделей пост-постмодерна, проявлением чего стало и возрождение презентизма в современной междисциплинарной историографии. Один из современных российских методологов истории А.А. Олейников, комментируя проявления и потенции презентизма в историческом знании, подчеркивает, что «за ширмой презентизма скрывается множество острейших проблем исторической дисциплины, связанных с ее общественным бытием, которые практикующие историки просто не любят или не хотят обсуждать» [13]. Среди этих неудобных для обсуждения проблем на уровне академического сообщества пребывает и европеизм в его различных формах, проявляющихся в той или иной степени в развитии историографии в условиях демократического транзита 1990-х гг. Если тенденции европеизации национальных историй стали не только успешным проектом, но и общим местом, например, в украинской или грузинской постсоветской историографии, то историографические реалии поздней постсоветской России 2000-2010-х гг. представляются совершенно иными: в частности, вопросы и методологические проблемы описания/написания, воображения и изобретения российской истории как европейской, ее символическая локализация на культурных картах Европы, вероятная интеграция в западные пространства памяти либо крайне малое обсуждение на уровне большинства представителей научного сообщества на региональном уровне. Также бытует простое игнорирование в силу доминирования тенденций к консервативной стабильности и склонности российских гуманитариев игнорировать спорные проблемы, которые могут казаться отягощенными излишней методологией. Если такие попытки имеют место, то подобная рефлексия о российском историческом опыте как европейском нередко редуцируется до частных, например – региональных сюжетов. В ряде случаев такие попытки европеизации и вовсе маргинальны. В частности, маргинальность характерна и для некоторых работ автора этой статьи, что проявилось в сознательной «неспособности» или намеренном нежелании применить принципы радикальной эпистемологии к российской истории именно на русском языке [8].

Предварительные выводы

Подводя итоги, во внимание следует принимать ряд факторов, которые существенно влияли на развитие и функционирование российского европеизма в первые десятилетия XXI в.

Российский европеизм 2000–2010-х гг. исторически продолжал развитие традиций российского западничества, хотя его привлекательность в значительной степени сократилась в силу неуспешности экономических реформ 1990-х гг., а также ростом социальных противоречий и расслоения общества, что могло соотноситься если не с европейским, то прозападным выбором политических элит в целом. Концепция российского европеизма или европейская идея на протяжении первых двух десятилетий XXI в. развивалась как совокупность гетерогенных интеллектуальных явлений, спектр проявления которых отличался значительным разнообразием, варьируясь от фактически нереальных и утопических идей и предложений участия России в европейской интеграции до весьма аморфного и абстрактного европейского выбора российских интеллектуалов.

В этом контексте российский европеизм в значительной степени отличался от, например, украинского, белорусского или грузинского европеизма. Если для интеллектуалов в других постсоветских странах было принципиально важно сформировать альтернативные исторические гранд-нарративы, которые позволили бы как национализировать истории новых государств, так и писать их в европейской системе координат, то перед российскими интеллектуалами таких задач не стояло. В сфере изучения и написания российской истории доминировали модифицированные версии позитивистского нарратива, которые редуцировали исторический процесс до формальной хронологической событийности. Кроме этого, российские интеллектуалы, например, в отличие от украинских или белорусских, не имели универсального Другого, относительно которого они могли проецировать, воображать и изобретать свои собственные версии национальной идентичности, конструируемой в европейской

системе координат. В этой ситуации немногочисленные российские европеисты/западники были вынуждены конкурировать с теми же российскими интеллектуалами, которые имели иные политические и идеологические предпочтения. Российский европеизм в 2000-2010-е гг. несмотря на значительные культурные и интеллектуальные потенциалы не смог проявить в достаточной степени свой адаптивный потенциал и в конкуренции с альтернативными точками зрения, представленными коммунистическим и националистическим дискурсом, потерпел поражение.

Поэтому современный российский европеизм, как и в предшествующие десятилетия, развивается преимущественно как интеллектуальное и культурное явление. Российские интеллектуалы и общественные активисты, склонные актуализировать свои европейские симпатии, которые в российских реалиях воспринимаются как прозападные или редуцируются до таковых, оказались неспособны на внутреннюю консолидацию. Свидетельством тому являются результаты парламентских выборов 2021 г., на которых формально проевропейские партии фактически потерпели поражение. Во второй половине 2010-х гг. в истории современного российского европеизма наступил кризисный этап. В условиях введения санкций, направленных против РФ, некоторые российские политики и интеллектуалы приложили немалые усилия, направленные на формирование негативного образа Запада/Европы как универсального Другого. Несмотря на это, определенные элементы европеизма сохраняются в современных гуманитарных штудиях отечественных интеллектуалов, хотя российский европеизм не организован на институциональном уровне в рамках гуманитарных наук, которые в современной России унаследовали несоветскую структуру и неформальную иерархию, подразумевающая условное деление на специалистов по русской и зарубежной истории/литературе, хотя неформальная принадлежность к этим корпорациям не совпадает с принятием или непринятием европейского или русского националистического дискурса. Тем не менее, именно гуманитарные науки в современной России фактически продолжают использовать методологии и языки, предложенные в рамках западной культурной и интеллектуальной традиции.

В целом, вероятно, следует констатировать, что политический европеизм в современной России относится к числу маргинальных явлений, в то время как его позиции в гуманитарных науках и культуре представляются более значимыми. Вероятно, российская версия истории развития европеизма в определенной степени пересекается с аналогичными интеллектуальными процессами в США. В рамках американской политической традиции сложно найти элементы преклонения перед Европой или сочувствия к ней – в большей степени заметно ее восприятие в качестве младшего политического союзника. Вместе с тем, в американской историографии сложились уникальные школы изучения европейской истории и литературы, то есть российская и американская степень преклонения перед ценностями и традициями европейской истории и культуры вполне сравнимы и сопоставимы.

Особую актуальность обретает дальнейшее изучение как истории и современного состояния, так перспектив и возможных траекторий развития европеизма в российском искусстве и гуманитарных науках не только на общероссийском, но и на национальном, региональном уровне. Интеллектуальная история национальных историографий и литератур демонстрирует самый широкий спектр идеологических предпочтений, которые могут варьироваться от политического и этнического национализма до культурного европеизма, проявления которого в современной российской историографии изучены в меньшей степени, чем европейская идея в русской культурной истории, что бесспорно делает ее изучение важной и актуальной задачей современного сообщества российских гуманитариев.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анненкова, Е.И. Гоголь и Александр Тургенев (к проблеме русского европеизма) / Е.И. Анненкова // Н.В. Гоголь и его литературное окружение. Восьмые Гоголевские чтения: сборник докладов Международной научной конференции. – М., 2008. – С. 36–46.
2. Бердинских, В. Ремесло историка в России / В. Бердинских. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. – 608 с.
3. Вахрамеева, Е.Е. Феномен российского европеизма и его ранняя история в свете современной историографии / Е.Е. Вахрамеева // Вестник Пермского Университета. – 2012. – Вып. 1(18). – С. 158–162.
4. Володина, Н.В. «Русский европеец» в творчестве И. С. Тургенева / Н.В. Володина // Концепты, универсалии, стереотипы в сфере литературоведения. – М., 2010. – С. 175–197.
5. Интервью с Алексеем Миллером // Неприкосновенный запас. – 2007. – № 1. – URL.: <https://magazines.gorky.media/nz/2007/1/intervyu-s-alekseem-millerom.html> (дата обращения: 04.10.2021).

6. Кантор, В. Национальная идея и безымянная Русь / В. Кантор // Гефтер. Интернет-журнал об исторической науке и обществе. – 2013. – 27 декабря. – URL.: <http://gefeter.ru/archive/10954> (дата обращения: 04.10.2021)
7. Кантор, В. Петр Великий и второе норманнское влияние / В. Кантор // Гефтер. Интернет-журнал об исторической науке и обществе. – 2015. – 6 марта. – URL: <http://gefeter.ru/archive/14470> (дата обращения: 04.10.2021).
8. Кирчанів, М.В. «Нова регіональна історія» і історична наука: історія регіонів в ідеологічних дебатах і інтелектуальних традиціях / М.В. Кирчанів. – Воронеж: Российский журнал исследований национализма, 2020. – 217 с.
9. Клямкин, И. Какая дорога ведет к праву? / И. Клямкин. – М.: Либеральная миссия, 2018. – 1064 с.
10. Клямкин, И. Что же после Путина? / И. Клямкин, А. Морозов, И. Чечель // Либеральная миссия. – 2021. – 22 марта. – URL.: <https://liberal.ru/russia-future/что-же-после-путина> (дата обращения: 04.10.2021).
11. Кузьмина, М.Д. Русский европеизм А. И. Герцена / М.Д. Кузьмина // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2012. – Т. 13, вып. 3. – С. 96–104.
12. Лукьянова, Е. Авторитаризм и демократия / Е. Лукьянова, И. Шаблинский. – М.: Мысль – Бизнес и Мысль, 2018. – 349 с.
13. Олейников, А. Другой презентизм / А. Олейников // Либеральная миссия. – 2021. – 2 июля – URL.: <https://liberal.ru/sovremennaya-istorichnost-i-politika-vremeni/drugoj-prezentizm> (дата обращения: 04.10.2021).
14. Олейников А. Современная историчность и политика времени / А. Олейников // Либеральная миссия. – 2021. – 26 апреля. – URL: <https://liberal.ru/authors-projects/sovremennaya-istorichnost-i-politika-vremeni> (дата обращения: 04.10.2021).
15. Олейников, А. Вызовы презентизма и современные исторические практики / А. Олейников, Ф. Николаи // Либеральная миссия. – 2021. – 17 мая. – URL: <https://liberal.ru/authors-projects/vyzovy-prezentizma-i-sovremennye-istoricheskie-praktiki> (дата обращения: 04.10.2021).
16. Семенов, А. Плохая история, плохая политика / А. Семенов // Неприкосновенный запас. – 2007. – № 1. – URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2007/1/plohaya-istoriya-plohaya-politika.html> (дата обращения: 04.10.2021).
17. Чубарьян, А. Российский европеизм / А. Чубарьян. – М.: ОЛМА-Пресс, 2006. – 432 с.
18. Щукин, В.Г. Русское западничество: генезис, сущность, историческая роль / В.Г. Щукин. – Łódź: Wydawnictwo “Ibidem”, 2001. – 368 с.
19. Янов, А. Россия и Европа. 1462 – 1921 / А. Янов // Неприкосновенный запас. – 2007. – № 1. – URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2007/1/rossiya-i-evropa-1462-1921.html> (дата обращения: 04.10.2021).
20. Янов, А.Л. Россия: у истоков трагедии, 1462 – 1584: заметки о природе и происхождении русской государственности / А. Янов. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 559 с.
21. Янов, А.Л. Россия и Европа, 1462 – 1921: в 3 кн. Кн. 1. Европейское столетие России, 1480 – 1560 / А. Янов. – М.: Новый хронограф, 2008. – 694 с

Поступила в редакцию 18.10.2021

Кирчанов Максим Валерьевич, доктор исторических наук, доцент
Воронежский государственный университет,
факультет международных отношений, кафедра регионоведения и экономики зарубежных стран
394068, г. Воронеж, Московский пр-т, 88, учебный корпус № 8
E-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com

M.V. Kirchanov

CONTEMPORARY RUSSIAN EUROPEANISM AS A "MARGINAL" POLITICAL TRADITION AND A HISTORIOGRAPHIC GRAND NARRATIVE

DOI: 10.35634/2587-9030-2022-6-2-208-216

The author analyses the development features of Europeanism as an invented political tradition and historiographic grand narrative in Russian intellectual history. It is assumed that modern Russian Europeanism is related to the cultural traditions of Russian Westernisation genetically, as well as the reforms of the 1990s, when the political elites of Russia had pro-Western sympathies. The author perceives Europeanism as a number of heterogeneous intellectual phenomena. The author believes that historical and literary academic studies became the main form of the history and functioning of Russian Europeanism in the 2000s and 2010s. It is assumed that the Russian intellectual communities of historians, philologists and literary critics exist in a state of institutionalised dependence on the Western European model of humanitarian knowledge. The article shows that Russian Europeanism has two forms: firstly, the desire of Russian intellectuals to write the history of Russia in the European system of coordinates, “imagining” and “inventing” it as a European one; secondly, the refusal of some of them to analyse Russian problems as ideologically and politically motivated a priori.

The author analyses attempts to Europeanise the Russian historical process as invented traditions in contexts of alternative historiographic interpretations. It is assumed that the European perception of the historical process became one of the historiographic grand narratives. The author believes that Russian Europeanism had significant cultural and intellectual potential, but it was unable to actualize its adaptive potential in competition with alternative ideological trends, including various versions of the left (communist) and right (nationalist) ideologies. Therefore, contemporary Russian Europeanism is not institutionalised and does not have a formal organisational structure. The author believes that the national intellectual communities, unlike the Russian ones, have not lost interest in the European idea yet, which guarantee the further development of Europeanism in Russia, but in substantially different forms.

Keywords: Russian intellectuals, intellectual communities, European idea, marginals, historiography, invention of traditions, grand narratives.

REFERENCES

1. Annenkova E.I. Gogol' i Aleksandr Turgenev (k probleme russkogo evropeizma) [Gogol and Alexander Turgenev (on the problem of Russian Europeanism)] / E.I. Annenkova // N.V. Gogol' i ego literaturnoe okruzhenie. Vos'mye Gogolevskie chteniya: Sbornik dokladov Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii [Gogol and his literary environment. Eighth Gogol Readings: Collection of reports of the International scientific conference]. – Moscow, 2008. – S. 36–46. (in Russian)
2. Berdinskih V. Remeslo istorika v Rossii [The craft of a historian in Russia]. – Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2009. – 608 s. (in Russian)
3. Vahrameeva E.E. Fenomen rossijskogo evropeizma i ego rannaya istoriya v svete sovremennoj istoriografii [The phenomenon of Russian Europeanism and its early history in the light of modern historiography] // Vestnik Permskogo Universiteta. – 2012. – Vyp. 1 (18). – S. 158–162. (in Russian)
4. Volodina N.V. «Russkij evropeec» v tvorchestve I. S. Turgeneva ["Russian European" in the work of I. S. Turgenev] / N.V. Volodina // Volodina N.V. Koncepty, universalii, stereotipy v sfere literaturovedeniya. – Moscow, 2010. – S. 175–197. (in Russian)
5. Interv'yu s Alekseem Millerom [Interview with Alexey Miller] // Neprikosnovennyj zapas. – 2007. – № 1 [Elektronnyj resurs]. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2007/1/intervyu-s-alekseem-millerom.html> (Accessed: 04.10.2021) (in Russian)
6. Kantor V. Nacional'naya ideya i bezymyannaya Rus' [National idea and nameless Russia] / V. Kantor // Gefter. Internet-zhurnal ob istoricheskoy nauke i obshchestve. – 2013. – 27 dekabrya [Elektronnyj resurs]. URL: <http://gefter.ru/archive/10954> (Accessed: 04.10.2021) (in Russian)
7. Kantor V. Petr Velikij i vtoroe normanskoe vliyanie [Peter the Great and the second Norman influence] / V. Kantor // Gefter. Internet-zhurnal ob istoricheskoy nauke i obshchestve. – 2015. – 6 marta [Elektronnyj resurs]. URL: <http://gefter.ru/archive/14470> (Accessed: 04.10.2021) (in Russian)
8. Kyrchaniv M.V. "Nova rehional'na istoriya" i istorichna nauka: istoriya rehioniv v ideolohichnykh debatakh i intelektual'nykh tradytsiyakh ["New regional history" and historical science: the history of regions in ideological debates and intellectual traditions]. – Voronizh: Rossyyskyy zhurnal yssledovanyy natsyonalizma, 2020. – 217 s. (in Ukrainian)
9. Klyamkin I. Kakaya doroga vedet k pravu? [Which road leads to the law?] – Moscow: Liberal'naya missiya, 2018. – 1064 s. (in Russian)
10. Klyamkin I., Morozov A., Chechel' I. Chto zhe posle Putina? [What after Putin?] / I. Klyamkin, A. Morozov, I. Chechel' // Liberal'naya missiya. – 2021. – 22 marta [Elektronnyj resurs]. URL: <https://liberal.ru/russia-future/chto-zhe-posle-putina> (Accessed: 04.10.2021) (in Russian)
11. Kuz'mina M.D. Russkij evropeizm A. I. Gercena [Russian Europeanism of A.I. Herzen] / M.D. Kuz'mina // Vestnik Russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii. – 2012. – T. 13. – Vyp. 3. – S. 96 – 104. (in Russian)
12. Luk'yanova E., Shablinskij I. Avtoritarizm i demokratiya [Authoritarianism and democracy]. – Moscow: Mysl' – Biznes i Mysl', 2018. – 349 s. (in Russian)
13. Olejnikov A. Drugoj prezentizm [Another presentism] / A. Olejnikov // Liberal'naya missiya. – 2021. – 2 iyulya [Elektronnyj resurs]. URL: <https://liberal.ru/sovremennaya-istorichnost-i-politika-vremeni/drugoj-prezentizm> (Accessed: 04.10.2021) (in Russian)
14. Olejnikov A. Sovremennaya istorichnost' i politika vremeni [Modern historicity and the politics of time] / A. Olejnikov // Liberal'naya missiya. – 2021. – 26 aprelya [Elektronnyj resurs]. URL: <https://liberal.ru/authors-projects/sovremennaya-istorichnost-i-politika-vremeni> (Accessed: 04.10.2021) (in Russian)
15. Olejnikov A., Nikolai F. Vyzovy prezentizma i sovremennye istoricheskie praktiki [Challenges of presentism and modern historical practices] / A. Olejnikov, F. Nikolai // Liberal'naya missiya. – 2021. – 17 maya [Elektronnyj resurs]. URL: <https://liberal.ru/authors-projects/vyzovy-prezentizma-i-sovremennye-istoricheskie-praktiki> (Accessed: 04.10.2021) (in Russian)

16. Semenov A. Plohaya istoriya, plohayaya politika [Bad history, bad policy] / A. Semenov // Neprikosnovennyj zapas. – 2007. – № 1 [Elektronnyj resurs]. URL.: <https://magazines.gorky.media/nz/2007/1/plohaya-istoriya-plohayaya-politika.html> (Accessed: 04.10.2021) (in Russian)
17. Chubar'yan A. Rossijskij evropeizm [Russian Europeanism]. – Moscow: OLMA-Press, 2006. – 432 s. (in Russian)
18. Shchukin V.G. Russkoe zapadnichestvo: genezis, sushchnost', istoricheskaya rol' [Russian Westernism: Genesis, Essence, Historical Role]. – Łódź: Wydawnictwo "Ibidem", 2001. – 368 s. (in Russian)
19. Yanov A. Rossiya i Evropa. 1462 – 1921 [Russia and Europe. 1462 – 1921] / A. Yanov // Neprikosnovennyj zapas. – 2007. – № 1 [Elektronnyj resurs]. URL.: <https://magazines.gorky.media/nz/2007/1/rossiya-i-evropa-1462-1921.html> (Accessed: 04.10.2021) (in Russian)
20. Yanov A.L. Rossiya: u istokov tragedii, 1462 – 1584: zametki o prirode i proiskhozhdenii russkoj gosudarstvennosti [Russia: at the origins of tragedy, 1462 – 1584: notes on the nature and origin of Russian statehood]. – Moscow: Progress-Tradiciya, 2001. – 559 s. (in Russian)
21. Yanov A.L. Rossiya i Evropa, 1462 – 1921: v 3 kn. Kn. 1. Evropejskoe stoletie Rossii, 1480 – 1560 [Russia and Europe, 1462 – 1921: in 3 books. Book. 1. European century of Russia, 1480 – 1560]. – Moscow: Novyj hronograf, 2008. – 694 s. (in Russian)

For citation:

Kirchanov M.V. Contemporary Russian europeanism as a "marginal" political tradition and a historiographic grand narrative // Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations. 2022. Vol. 6, iss. 2. P. 208–216. <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2022-6-2-208-216> (In Russ.).

Received 10/18/2021

Kirchanov M.V., Doctor of History, Associate Professor
Voronezh State University,
Faculty of International Relations, Department of Regional Studies and Economics of Foreign Countries
Moskovsky pr-t, 88/8, Voronezh, Russia, 394068
E-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com